

Не спалось: духота летней ночи, жаркий пот, постоянный шум из окна от близкой автострады, встал, пошевелил «мышку» компьютера, 02.35. В этот момент резкое усиление ветра, шум листвы соседнего дуба заглушил все звуки, затем хлестанул ливень — и началась гроза. Окно, из-за жары, было открыто, в момент процесса закрытия в стоящий рядом монитор компьютера попадает молния. И темнота... Исчезли все звуки. Но соображать продолжаю, значит, не все потеряно.

...Неожиданно, спустя довольно много времени, услышал звук дождя, но глуховатый, значит, окошко я все-таки закрыл. Начинаю потихоньку приходить в себя, шандарахнуло меня здорово. Но темнота вокруг полнейшая, мне очень жарко, а вот руками не пошевелить, открыть глаза тоже не получается. Горло буквально сковало липкой слюной. Пробую пошевелить пальцами рук и ног, и мне это удается. Поднес правую руку к голове, а у меня жар! Только же, черт возьми, было все в порядке?! С помощью пальцев открыл глаза, неприятно слипшиеся. Лучше бы я этого не делал! Еще бы некоторое

время радовался тому, что жив. На стене висела керосиновая (!!!) лампа, тускло освещавшая помещение, и не простое! Это — морг. Ни фиги себе! На большом пальце правой ноги висит кусок клеенки с надписью: «Инж-кап. Гирс С. Д., холера, 25.06.11». Значит, и остальные, собранные здесь товарищи по несчастью болели этой гадостью. Лихо! Что тут скажешь? Но почему «керосинка»? Вот этого я еще не понял. Дергаю дверь, а она заперта. Стучу. Отбил все костяшки, развернулся задом и начал молотить пяткой, с интересом наблюдая усопших. Одна характерная деталь: на всех подштанники! Это точно не XXI век! И крестики на шее у всех, в том числе и у самого. С той стороны двери слышался шум, звяканье ключей, дверь распахнулась. «Свят, свят, свят!» — осенил себя со страшной скоростью мужичок-старичок в старинном зипуне. Рядом с ним то же самое проделывал очкарик в белом халате.

— Тьфу на вас! Спите, черти! Чего уставились? Живой я, живехонек! Не удосужились проверить, прежде чем сюда тащить! Душ, быстро! И одежду! Замерз! — Меня уже поколачивало озноба, но помирать я вроде как не собирался. Ага! Душевая с титаном! Давненько такой не видывал! Капитально вымывшись и согретьшись, обнаружил зеркало и с удивлением посмотрел на отражение. Худощавый молодой человек, лет двадцати пяти, кто такой — не знаю. Его подсознание вроде бы спит, пробую достучаться,

но пока ничегошеньки не понимаю, он «отвечает» мне на другом языке. Похоже, немецком, но не совсем. Зовут меня Степаном, Стефаном.

— Разрешите, господин капитан? — это тот самый очкарик, принес белье и больничный халат.

— Как я там оказался? — я кивнул в сторону морга.

— В покойницкой-то?! Привезли умерших с парохода из Баку. Всех отпели, не беспокойтесь, вас отпевали по лютеранскому обряду.

— Это особого значения уже не имеет. Давно?

— Ну, больше суток прошло.

— Лимоны или лимонная кислота есть?

— Лимонов нет, господин капитан, еще не сезон, а кислота имеется.

— Пить хочу, принеси холодной воды и лимонную кислоту.

— Слушаюсь! А может быть, пройдете в палату? Я вам отдельную приготовил. Надо же такому случиться! Яков Георгиевич с минуту на минуту будет, доктор наш.

— Документы мои у него?

— Точно так, ему все передали, а вещи ваши в кладовой.

Мы подошли к дверям, идя по почти неосвещенному коридору. Их открыли и помогли мне сесть на койку, потому что меня хорошенько мотнуло. Малейшие усилия были еще очень тяжелы для организма. Кислая вода не слыш-

ком приятна на вкус, но при условии, что я лежал в одной комнате с холерными больными и, вероятно, сам болел, требуется повышения кислотности. Вбито в подкорку из-за пары карантинных по этой болезни. Появившегося доктора больше интересовали мои намерения подать жалобу, чем все остальное. Документы мне вернули тотчас.

Итак, Карская крепостная воздухоплавательная рота направляет инженер-капитана Гирса в офицерскую воздухоплавательную школу в качестве слушателя. Что-то я не припоминаю у себя склонности к полетам на воздушных шарах. Доктор уговорил меня недельку полежать под его наблюдением, бесплатно, лишь бы шум не поднимал и не переходил в военный госпиталь Царицына, а оставался здесь в больнице путей сообщения. Мне требовалось подтянуть свой немецкий или научить капитана отвечать по-русски, ему требовалось оклематься после очень серьезной болезни и, видимо, клинической смерти. Поэтому мы приняли предложение Якова Георгиевича. В чемоданах я обнаружил не уворованные деньги в количестве двух с лишним тысяч. Довольно большая сумма, примерно два годовых оклада. Там же нашлись книги на немецком и шведском, которые я увлеченно начал читать, хотя тот бред, который был в них написан, был мне совершенно неинтересен. Но требовалось составить совместный словарь, чтобы пользоваться тем, что знает капитан. Без это-

го — никак, так как по документам он заканчивал морской кадетский корпус, Кронштадтское высшее инженерное морское училище и стажировался в Германии в Грисхайме, где преподавал знаменитый Лилиенталь. А в Тифлисе был на приеме у великого князя Александра Михайловича. Едет он в Гатчину, не только для того, чтобы что-то слушать, но и организовать инженерную службу в новой школе, я уже вспомнил, что именно там готовили летчиков и авиатехников для ВВС империи.

Глава 1

ГАТЧИНСКАЯ ОФИЦЕРСКАЯ ШКОЛА ВОЗДУХОПЛАВАНИЯ

Через три недели усиленной подготовки, как в больнице, так и на колесном пароходике, следующем до Петербурга, я предстал пред светлые очи генерал-майора Кованько, после визита к которому меня срочно направили обратно в Петербург на аудиенцию с еще одним великим князем, Петром Николаевичем, августейшим шефом Военно-инженерного управления русской армии. Великие князья несколько разошлись во мнениях и взглядах на будущее воздухоплавания. Прямое командование не верило в саму идею аппаратов тяжелее воздуха, но тем не менее, в марте прошлого 1910 года при Особом комитете по восстановлению флота (был такой) создан отдел воздушного флота. И «имелось мнение», что инженерную часть этого отдела должен возглавить именно я. В первую очередь, это правда было опущено в моих документах, перед моей фамилией в латинском написании существовала буковка «v», фон Гирс, а флотом в России правили немцы. И расчет, тоже немца, Александра Михайловича заклю-

чался в том, что мое назначение не вызовет отторжения у шефа ВИУ. Основная задача была поставлена еще в Тифлисе: создать хорошо работающую инженерную службу в авиационных частях, появление которых уже не за горами. На первоначальном этапе я где-то допустил какую-то ошибку или промах, поэтому пришлось пожаловаться великому князю на состояние здоровья, перенесенную болезнь и психологическую травму в больнице Царицына. 45-летний князь удивленно посмотрел на меня, я же предоставил справку из больницы и выписку из личного дела, где указывалось, что последний раз в отпуске я был более двух лет назад.

— Хорошо, давайте вернемся к этому разговору после того, как вы приведете себя в полный порядок. Пишите рапорт на отпуск и отгулы. Первого сентября встречаемся здесь в этом кабинете. И не забывайте, что наиболее важной нашей задачей является создание надежной инженерной службы во всех ротах и батальонах воздухоплавательного корпуса!

С учетом того, что воздушные шары использовали водород, а парашютов еще не было, то было слишком оптимистично надеяться на корректировку огня артиллерии с помощью привязных аппаратов. Но переубедить кого-либо из этой «гвардии» было невозможно. Денег на это дело выделили сущие копейки, Александр Михайлович имел большое влияние на царя, но все это дело тупо люстрировалось в Сенате, Думе

и в комитетах. Чисто теоретически эти деньги можно было заработать, недаром первые русские авиаторы занимались показательными выступлениями. Так они оплачивали обучение за границей и искали «спонсоров» на приобретение следующей машины. Большинство летчиков были просто «летунами». Лишь небольшая часть из них пытались построить самолеты самостоятельно. Кое-какие деньжата у меня водились, хотя не я их собирал, поэтому освободившееся от службы время я потратил на то, чтобы сделать «дельтаплан». Но и в этом случае меня ждало жесточайшее разочарование! Во-первых, в России алюминий и его сплавы не выпускаются. И тем более нет тонкостенных труб из него. Немного помывкавшись туда-сюда, можно было заказать трубы в Америке, в Германии или во Франции, но с передачей им патентов на эти сплавы, просто алюминий мне не годился. Пришлось кланяться китайцам и выбирать у них бамбуковые палки. Проверяя их на прочность при изгибе. У них же купил очень плотный шелк: 70 момми или 300 граммов на квадратный метр. Соединительные трубы изготовил в мастерских школы, организованных еще до меня штабс-капитаном Горшковым. Дельтаплан делал мачтовым и с целым набором антифлаттерных грузиков, так, чтобы можно было показать его маневренность во всей красе. Удивительно, но уложился в 21 килограмм взлетного веса. Так как официально я находился в отпуске, то

мне не представляло сложности узнать, когда на аэродроме появятся «нужные» мне люди. Александра Михайловича я посвятил в события в письменном виде. И он приехал в Петербург и помог организовать сборище на поле. К авиаотряду, который уже существовал, я и близко не подходил, хотя и познакомился в клубе практически со всеми. В первую очередь, с подполковником Ульяниным, командиром «временного авиационного отдела», который учился у Фармана, и его с большим трудом удалось провести на это место. Сами понимаете, что все учившиеся во Франции, кроме уже погибших, составили костяк преподавателей и инструкторов в школе.

Между Гатчиной и Питером есть такая станция: Дудергоф. Рядом с ней находится самая высокая горюшка в Ленинградской области. Мое любимое место отдыха многие годы, пока там канатки работали и можно было кататься на горных лыжах. Крутой склон Вороньей горы и послужил мне аэродромом. Я собрал планер на вершине, тщательно проверил все узлы и точки крепления, надел «штатный» кожаный шлем, сам тоже весь в черной коже. Легкий западный ветерок помог мне быстро оторваться от земли и «подвесить ноги» в петли. Сразу за железной дорогой — озеро. Над ним я и покрутился, привыкая к аппарату и пробуя его во всех режимах. Самостоятельно я из этих материалов такой планер не делал. Больше всего имел дело со «Славутичами» разных марок, а потом пол-

ностью на парашют пересел. Убедившись, что расчеты верны и машинка довольно лихо крутится, и флаттер успешно гасится, я ушел в сторону от озера, туда, где желтели поля, там поймал поток и быстро забрался на высоту около двух километров. Это — не высоко, но рекорд Матыевич-Мацеевича составлял 1200 метров. Лететь недалеко, всего 12–14 километров, на самом деле ровно тринадцать, а с этой точки еще ближе. Не слишком увлекаясь скоростью, дополз за двадцать минут до аэродрома. А там — строевой смотр! Оркестр даже здесь слышно, а на меня — ноль внимания! Вот гады! И что делать? Запасной вариант у меня имелся: фальшфейер с дымом красного цвета! Примененный мной для начертания буквы «N» в воздухе. После этого меня «увидели»! Первой увидела «бабочку» высоко в небе скучающая старшая дочь Ольга. Она завизжала от восторга — и сорвала важнейшее армейское мероприятие! После того, как фальшфейер отработал, я несколькими виражами, стараясь сильно не разгоняться (бамбук все-таки!), проделал несколько фигур высшего пилотажа, затем снизился до земли, прошел над полем на малой высоте и сумел подхватить заготовленный заранее букет цветов, резко развернулся на трибуну, где стояла царская семья, и рассыпал его над ними, еще один разворот, и я чуть пробежал при посадке. Отстегнулся от системы и четким строевым шагом направился прямо к Николаю. Ему тоже розы

и астры достались, несмотря на то что стоял он не на трибуне, а под ней.

— Ваше величество! Инженер-капитан Степан Гирс закончил перелет Дудергоф — Гатчинская Офицерская Воздухоплавательная школа на планере собственной конструкции.

Николай чуть закусил нижнюю губу, затем опустил руку от козырька и протянул ее мне. Молча. После рукопожатия вытащил из кармана носовой платок и вытер пот с лица. Видать, напугал я его до колик.

— Цветы императорской семье и мой вензель в небе! Хорошо придумано, но предупреждать требуется заранее. Чего угодно ожидал, кроме цветов. Молодец, подполковник Гирс.

— Рад стараться, ваше величество! Назначен начальником инженерного управления по воздухоплаванию при Особом комитете по воссозданию флота. В данный момент в отпуске, к службе приступаю с первого сентября.

Так как представление состоялось и руки мы опустили, то все, кто входил в свиту, потихоньку подтянулись сюда, в первую очередь женщины. Все вместе прошли к планеру, еще до этого «мой» великий князь что-то шепнул царю.

— Это в корне меняет дело! Организуйте погоны и «старушку Клико» позовите. Показывайте, подполковник, ваш чудесный аппарат.

— За основу взят аппарат Лилиенталя, у которого я учился летать на планере. Но им очень сложно управлять, так как требуются значи-